

Марина Рисоль

Потерянная княжна

18+

Марина Рисоль

Потерянная княжна

<https://litres.ru/74085518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вас когда-нибудь потянет прикоснуться к ритуальным фигуркам в музее, то не стоит. Я имела такую неосторожность и попала в прошлое, оказавшись в теле юной безродной воспитанницы князя. Чтобы выжить, мне придётся узнать все её секреты, обосноваться в новом для меня мире, а ещё справиться с ненавистью молодого княжича, от одного взгляда которого бросает в дрожь.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	14
Глава 4.	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9.	47
Глава 10.	51
Глава 11.	57
Глава 12.	62
Глава 13.	67
Глава 14.	72
Глава 15.	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марина Рисоль

Потерянная княжна

Глава 1.

— Земислав... — тихий голос княгини дрожал. Кажется, он выцветал с каждым её вздохом, — признай девочку. Опасно ей бесприданницей оставаться. Негоже это...

Княгиня зашлась в хриплом кашле и судорожно вздохнула.

— Зара... — безжизненный голос князя звучал глухо, — нельзя. Сама знаешь. Прорицательница сказала, беда будет. Волхвы тоже говорили, не быть дочери у нас. А будет — беде случиться. Нельзя, Лучезара, нельзя.

— Нельзя её так оставлять, Земислав. Сгинет она. Все мы сгинем. Сердцем чувствую...

Послышался шорох, и я подалась назад. Отбежала за угол, неслышно ступая босыми ногами по холодному полу. Пальцы ног уже совсем отмёрзли, но я и не думала, что придётся долго стоять босой и прятаться. Я хотела увидеть княгиню. Уверена была, что до утра не доживёт она — слаба слишком. Ещё два дня назад почуяла, что смертью пахнет от неё, что время её на исходе. Болезнь проклятая последние две весны из неё жизнь тянула.

Княгиня Лучезара всегда была добра ко мне. С тех самых пор, как князь привёл меня ко двору и сказал, что теперь я буду воспитываться в его семье. Но хорошо ко мне относилась только княгиня, сразу приняла — о дочери мечтала, но детей, после рождения своего сына Идана, больше иметь не могла.

Князь же особых чувств отеческих ко мне не питал. А уж молодой княжич Идан и подавно... Последний исходил ненавистью такой, что я понять не могла — за что? Что такого я сделала, чтобы вызывать в нём такие чувства? Десять вёсен я воспитывалась при княжеском дворе, и все десять мне здорово доставалось от Идана, который и старше-то был всего на пару вёсен от меня.

Дальше по коридору послышался топот, и я отступила ещё дальше за расписную колонну в темноту. Мне не хотелось, чтобы меня заметили.

Сердце билось гулко, сотрясая грудь и отдавая в горло. Я сжала руки у сердца и обратилась мысленно к Макоши. Княгиня умирала, и меня скорее всего ждала совсем незавидная судьба. Некому меня будет защитить, не к кому головы преклонить. Для князя я обуза, а княжич... страшно подумать о нём. Со свету сживёт совсем. Поэтому я вознесла молитву богине судьбы, прося её помочь мне.

Мимо пробежали двое дворовых слуг со свечками, отбрасывая дёрганные отблески света по тёмным стенам. С ними княжеский врачеватель, оставив за собой шлейф тёрпких

запахов лекарств.

Из светлицы княгини снова послышался тяжкий хриплый кашель. Она задыхалась. Я же, крепко сжав кулаки, закусила губы, чтобы не заплакать, а потом выбралась из укрытия и бросилась в свои покои. Замерзшие ноги горели, касаясь пола, меня знобило, руки дрожали. Слезы застилали глаза. Я свернула за угол, зная дорогу в темноте наизусть, и на всём ходу врезалась во что-то твердое.

— Смотри, куда летишь, растопча*! — услышала я грубый знакомый голос и едва не задохнулась... Встретить княжича Идана ночью в коридоре было совсем нехорошо.

— Прости, — тут же отпрянула, но он крепко схватил меня за плечо и дернул на себя. Света было мало — с бокового коридора едва дотягивали отблески светоча. Лучина уже догорала и огня почти не давала, но даже в таком неверном свете я отчётливо увидела, как блеснули ненавистью глаза молодого княжича.

— Опять подслушивала, шелудивая? — прошипел княжич, сжимая пальцы. Я была точно уверена, что после его хватки на плече синяки останутся.

— Пусти! — я дёрнулась, ощущая, как в носу защипало, а предательские слёзы подступили к глазам.

Раздался треск ткани, но княжич мою руку выпустил. Не долго думая, я стремглав бросилась в свои покои.

...

Судорожный вдох принес боль где-то под ребрами. Я за-

кашлялась и резко села на кровати. Руки дрожали, на лбу выступила испарина. Нашарив рукой под подушкой свой смартфон, я включила экран и посмотрела на время — почти четыре утра.

Это происходило уже в третий раз. Мне снился странный кошмар, и я вскидывалась вся в поту около четырех утра. Пульс грохотал в ушах, вся спина была мокрая от пота, пижамная рубашка прилипла к коже.

Сдавив пальцами виски, я потерла кожу. Сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, пытаясь усмирить пульс и странную вибрацию в области желудка.

Со мной происходило что-то странное. Психика давала сбои. Может, всему виной была новая работа и стресс, конечно. А может, дело в недавнем расставании с Владом.

В третий раз за месяц я просыпалась ночью в поту с ощущением, будто меня избили и протащили мокрую по морозу. Трясло, знобило, бросало в холодный пот. Но ни разу я не помнила, что мне снилось, помнила лишь ощущения — злость, тоску, обиду, страх.

Но сегодня я помнила и сам сон. Впервые. В мельчайших подробностях.

Кроме того, это и на сон было совершенно не похоже. Я словно... на самом деле была там. Только... я была не я. Будто на всё происходящее я смотрела глазами другой девушки.

Но все ощущения такие, словно я реально была там. Чувствовала запахи сырости и плесени, гари лучин, запах тра-

вяных лекарств и курений... В груди теснились настоящие тоска по умирающей женщине и страх перед тем парнем, который больно сдавил руку. Не мне — той девушке. Но ощущение, будто мне.

Рефлекторно я прикоснулась к своему правому плечу и вдруг обомлела. Рукав моей пижамной рубашки был порван!

Сердце, которое было начало успокаиваться, загрохотало с новой силой.

Бред же! Полный!

Наверное, зацепилась за что-то во сне, может, за угол тумбочки.

Но внутри стало так тревожно, что я соскользнула с кровати, включила свет и подошла к высокому напольному зеркалу, что стояло в моей спальне.

Здрав рукав, я остолбенела...

На моём плече темнел отчётливый отпечаток длинных пальцев.

*растопча — разиня (славянское ругательство)

Глава 2.

Уснуть у меня так и не получилось, поэтому на работу я пришла помятая. И мои дорогие коллеги не забыли это сразу же отметить.

— Дашуля, ты как будто вчера хорошо погуляла, — улыбнулась Анна Витальевна, завуч по воспитательной работе и моя прямая начальница. — Вы, молодёжь, отчаянные сейчас. Веселитесь до утра, даже когда на работу рано вставать. Мы в вашем возрасте и помыслить о таком не могли, переживали, что о нас скажут. Тем более, с детьми работаем.

Она вроде бы сказала это скорее в шутку, но при этом уколола. Та ещё стервозина. Жду не дождусь, когда её кабинет отремонтируют и она съедет из моей организаторской обратно к себе. Можно будет спокойно с детьми репетировать и готовиться к смотру самодеятельности без её бесконечных поправок и замечаний. А то всё ей не так! То сценарий я написала слишком простой, то дети стихи читают без выражения, то движения в перестроениях не отработанные.

— Я просто плохо спала, — пробормотав себе под нос, я повесила сумку на спинку стула и подозрительно посмотрела на свою чашку, подозревая, что кто-то, кажется, её позаимствовал, а потом вернул на мой стол обратно, плохо помыв.

— В вашем возрасте спать ещё должны как младенцы.

Ясное дело, в двадцать пять лет-то проблем со здоровьем

совсем не бывает по мнению женщин в возрасте. Мы всё придумываем и болеть права не имеем.

Я, когда только устроилась в школу педагогом-организатором два года назад, посмела уйти на больничный на четвёртый месяц работы, так столько всего выслушала потом и от завуча, и от директора. Да даже секретарь не забыла слово вставить.

— Дарьяна, ты документы по группе для экскурсии в музей все подала? — Уточнила Анна Витальевна.

— Как вы меня назвали? — Я вскинула на неё взгляд, перестав копошиться в сумочке в поисках расчёски.

— Дарья Ивановна, — удивлённо подняла брови завуч. — Ну точно не выпалась.

Да уж. Реально не выпалась...

Но почему меня так триггернуло на это “Дарьяна”?

Имя такое... странное. Дарина — слышала, а Дарьяна впервые... Но почему-то показалось таким знакомым, словно я уже всё-таки слышала его.

Махнув пару раз расчёской по волосам, я собрала их в пучок и закрепила наскоро карандашом, как часто делала. Сгребла распечатанную вчера документацию по экскурсии в музей, в который завтра веду восьмой “А”. Музей наш, городской, но приезжает интересная выставка славянского быта. Мне вдвойне интересно и самой, потому что мой отец был преподавателем истории в университете, я с детства бывала у него на кафедре, в университетском музее — интересно

мне всё это до ужаса.

Я вышла из организаторской и направилась по лестнице на первый этаж — мне нужно было заверить у директора списки тех, кто едет, и инструктажи. Потом в бухгалтерию. Чтобы добраться быстрее, решила пойти по закрытой на ремонт лестнице, она вела сразу в фойе на первом этаже, где располагался кабинет директора. Дети по ней сейчас не шастали — было перекрыто, на самой лестнице стояли стремянки и вёдра с побелкой.

Я спустилась на один пролёт, и внезапно почувствовала себя не очень хорошо. Голова закружилась, в ногах появилась слабость.

Я почувствовала жжение в плече, на котором с утра обнаружила странный отпечаток, напоминающий пальцы.

Что. Чёрт возьми. Происходит?

Во рту стало сухо. Меня замутило...

— Ты никто, поняла? — прошипел Идан с таким льдом в голосе, что у меня закололо в груди. — Матушка почему-то благоволила к тебе, но больше этого не будет. Моя б воля — погнали бы тебя со двора палками.

В голосе княжича сквозила горечь. Его тёмные глаза смотрели с такой ненавистью и презрением, что стало тяжело дышать.

У меня же от слёз жгло щёки — домовина княгини Лучезары ещё горела, медленно отдаляясь от берега по водам Седи, унося её дух навстречу Морене.

Её любил весь двор. Она была доброй, никогда не кричала на слуг, никого не наказывала. Было ощущение, что вместе с ней с княжеского двора ушёл весь свет. И последний луч надежды на то, что ненависть Идана ко мне хоть немного когда-нибудь остынет.

Но было понятно, что всё станет только хуже. Княжич и так меня ненавидел, а теперь ещё и винил в смерти княгини, считая, что это я принесла несчастья в их семью.

— Дарьяна, — позвал знакомый женский голос, и руки коснулись тёплые пальцы моей прислужницы. — Тебе лучше вернуться в свои покои.

...

Дарьяна.

Дарьяна!

Я судорожно втянула воздух, испуганно озираясь. Я снова была на школьной лестнице среди стремянок и ведёр с побелкой. Сердце стучало так, что казалось, оно вот-вот проломит грудную клетку.

За грудиной жгло. В горле клубилась горечь утраты, тоска сжимала внутренности. Я так отчётливо ощущала чужие эмоции, что это пугало.

Но... как я могла это ощущать?

Что вообще со мной происходило?

Ладно во сне, но... сейчас?

Как будто моё сознание отключилось на какое-то время.

Но самым пугающим было то, что отметины на плече го-

рели и пульсировали.

Глава 3.

— Не вижу ничего необычного, — Ася нахмурилась и ещё раз надавила на отметины на плече. — Это точно не геморрагическая сыпь, так что можно не бояться. Обычный синяк.

Моя подруга детства сдёрнула перчатки и бросила их в урну.

— Возьми вот этот гель, так синяк пройдёт быстрее.

— Ась, — я одёрнула рукав. — Дело не в том, когда оно пройдёт, а в том, что я понятия не имею, откуда он взялся. Может, с сосудами что-то не так?

— Опять ты со своей ипохондрией, Даш, — Ася закатила глаза и придвинула к себе стопку медицинских карт. — Ну может, кто ухватил тебя? Или кто-то из этих бешеных семиклассников в коридоре врезался? Может, Влад?

— Я не видела его уже месяц, — я поджала губы. Ни вспоминать, ни думать об этом предателе мне вообще не хотелось.

— Ну если тебе так тревожно, сдай анализы на свёртываемость. Но я не думаю, признаться, что у тебя проблемы. Тут же явно механическое повреждение.

— Ладно, — я встала и взяла со спинки стула свою сумку. Через две минуты должен был прозвенеть звонок, а Асе пора было идти в третий “Б” на контроль педикулёза. Там уже третий случай за четверть всплывал. Я в их класс на ре-

петиции входила только с собранными в пучок волосами. — Пошла я, завтра экскурсия, надо ещё раз классным руководителям напомнить, чтобы родителям в чаты сбросили нужную информацию.

Про свои странные сны и недавнее “выключение” на лестнице я Асе говорить не стала. Снова всё спихнёт на стресс и начнёт отправлять меня к психологу.

Нет у меня ни времени, ни желания по психологам ходить сейчас...

Домой с работы я пришла уже почти в семь. В последний раз ела в два часа дня в школьной столовой, а питательностью там еда не отличается, поэтому едва переоделась в домашние штаны и футболку, сразу нырнула в холодильник. Из готовой еды — только позавчерашний суп, который я сварила лишь под маминым давлением по телефону. Она у меня супами и лечила, и кормила, и травмы детские наносила, заставляя всенепременно съесть всю тарелку.

В итоге я соорудила шакшуку, отрезала себе пару кусочков сыра, а к сыру решила налить бокал вина. Не самый хороший способ расслабиться, но мне хотелось упасть прямо в девять вечера и проспать до утра без задних ног без пробуждений и сновидений.

Стоило мне подумать про сновидения, я вздрогнула и снова ощутила покалывание в плече.

Ну глупость же. И правда стрессовое, наверное. Ведь пока я не думала об этом, то ничего и не ощущала.

Надо, что ли, хотя бы кошку себе завести, чтобы не чувствовать себя такой одинокой. Мне, конечно, всего двадцать пять, рано ещё кошачий питомник разводить, но одну-то можно? Я давно хотела, да Влад всё против был. То шерсть ему неприятна, то запах из лотка.

Кстати, это не обязательно должен быть котёнок же. Возиться с ним с моим графиком мне некогда. А вот взрослую кошечку можно и взять, как раз приблудившуюся видела у подъезда — чёрную, красивую, с огромными зелёными глазами. Она так смотрела на меня, словно и просила: забери меня!

Сжав ножку бокала в пальцах, я подошла к окну и отодвинула занавеску, посмотрев на улицу. Жила я на первом этаже, и окна мои как раз выходили на приподъездную площадку.

Я даже вздрогнула, увидев ту же кошку, словно копилка, восседавшую на лавке. Она смотрела в мою сторону. Чётко на меня, словно ждала, пока я подойду к окну.

Да, пожалуй, завтра и заберу её — решила я.

Допив вино, я ополоснула бокал и вымыла тарелку. Отпарила себе на завтра брюки и пуловер, повесила на плечики и оставила на открытой стойке-вешалке. А потом забралась под одеяло, клятвенно обещая себе, что не стану сёрфить в интернете, а сразу поставлю будильник и отложу смартфон.

Так просто всё, конечно, не получилось. Я обнаружила пропущенный час назад от Влада и разнервничалась. Этот

подонок, предавший меня за месяц до свадьбы, не имел права даже пытаться со мною связаться!

Но я уже прошла ту стадию, когда хочется перезвонить и наорать. Просто смахнула список вызовов и полезла в ленту соцсети, чтобы забить мозг цифровым мусором и не позволить ему раскручивать болезненные мысли.

А когда всё же решила отложить телефон, ощутила, как под рёбрами ворочается тревога. Тёмный неприятный сгусток саднил и давил и... словно мне не принадлежал. Он казался и чужеродным, и сросшимся со мной одновременно.

...

— Отец! — послышался возмущённый, едва сдерживаемый от гнева, голос Идана, и я замерла, не решаясь поступать в приоткрытую переднюю князя. — Ты не понимаешь! Её гнать нужно со двора!

— Сын мой, смерть твоей матушки всем далась тяжело. Я понимаю твоё горе, но изволь хотя бы раз объяснить, что такого дурного тебе сделала Дарьяна, что ты пылаешь к ней такой лютой ненавистью?

Я не видела князя Земислава и княжича, но даже тут, стоя в коридоре, чувствовала волну жгучей ненависти, исходящей от Идана. Но если раньше это меня обижало и расстраивало, то сейчас, без покровительства княгини, становилось страшно.

Я и пришла к князю за судьбу свою просить. Узнать, чего ждать мне. Мне уже исполнилось восемнадцать, как раз за

несколько дней перед кончиной княгини. Она говорила, что скоро князь выберет мне мужа.

Замуж я не хотела. По крайней мере сейчас. И намеревалась просить князя позволить мне ещё пожить при его дворе в Седове.

Пригодилась бы я тут. Хоть на кухне, хоть в ткацкой. Мне почестей не надо, знаю я, что не княжеских кровей.

Откуда сама была родом — не помню. Помню только имя и что восемь вёсен я прожила. Крики ещё помню и запах гари. Пожар... Потом очнулась в княжеской повозке, а память словно стёрли. Привёз меня князь ко двору своему, но на воспитание не крестьянам отдал или дворовым, а в семью принял, и растила меня княгиня словно родную дочь. Учили меня учителя — грамоте, письму, математике, риторике и скандинавскому.

Была бы жива княгиня, уверена я, отдали бы замуж за вельможу.

А теперь... Оставалось Макошь славить и просить её о судьбе.

— Потому что это она виновата в бедах наших, отец! — Я слышала шаги, уверена была, что это Идан мерил нервно переднюю князя. — И матушку тоже она досуха выпила!

Что он такое говорил! Я уважала и любила княгиню Луцезару! Руки ей целовала за доброе отношение!

— Не гневи богов, сын! — громогласно сказал Земислав.

— Гневаются они, отец, с тех самых пор, как ты привёл ко

двору эту приживалку! Сам знаешь, что волхвы сказали...

...

Меня выбросило из сна, словно из мутной, тёмной воды. Я сделала глубокий судорожный вдох, ощущая, как сердце зашло в неровном быстром ритме.

Я снова чувствовала в мельчайших оттенках каждую эмоцию Дарьяны. Её испуг, страх, непонимание...

На часах было четыре утра.

Глава 4.

Спала я сегодня плохо. Половину ночи провертелась и уснула уже когда небо стало бледнеть. То жарко мне было, то холодно. Я то натягивала овечью шкуру до самого носа, то сталкивала ногами. Казалось, что в теле зарождался жар, будто болезнь решила одолеть меня, но тело моё с хворью справилось, и утром я проснулась хоть и уставшая, словно весь день на лошади скакала, но без жара. Рубаха, правда, мокрая была вся, а волосы прилипли к шее.

— Вставай, Дарьяна, ты сегодня долго лежебочишь, — проговорила негромко Милада — моя нянька. — Не заболела часом?

— Не знаю, — я села на лежанке, откинув овечью шкуру, в которую всё же закуталась под утро, и потёрла глаза. Голова казалась тяжёлой, в висках монотонно гудело.

В любом случае, встать нужно было. Водонос принёс воду, и Милада поставила чашу на стол. Я задержала дыхание, и плеснула в лицо ледяной воды дважды, прежде чем утреннее марево немного сошло.

— Глаза красные, смотри какие, лицо опухло, — покачала головой Милада. — Опять по княгине рыдала?

Было дело. Прошло уже несколько недель, как её тело предали огню и водам Седи, но я всё равно каждую ночь думала о её доброй улыбке и тёплой ладони, что так нежно касалась

моих волос. Но няньке я говорить не стала, только плечами пожала.

В мою светлицу вбежала запыхавшаяся Живана — моя прислужница. Она была чуть младше меня, княгиня Лучезара приставила её ко мне четыре весны назад. С тех пор мы очень подружились.

— Вот где тебя носит, девка? — покачала головой Милада, уперев руки в бока. Нянька у меня была доброй и ласковой, но иногда пыталась делать вид, что строга она, однако, и я, и дворовые девушки знали, что Милада и пальцем никого не тронет.

Живана опустила глаза, а нянька, ещё пожурив её, отправилась на кухню, оставив мои утренние сборы на попечение прислужницы.

Живана помогла мне одеться, потом расчесала волосы гребнем и заплела в две косы. Когда она закончила, я сжала в ладони свою колт*, с которым никогда не расставалась. Княгиня подарила мне её на мою пятнадцатую весну. Оберег быстро согрелся от тепла ладони, и я вознесла молитву Макоши.

— Князь вчера скоморохов на двор пустил, — негромко сказала Живана. — Бояре поговаривают, что поскорбит ещё немного по княгине Лучезаре да новую жену себе выберет. Та ещё ему наследников нарожает.

Ждана замолчала, а я почувствовала, как внутри сильнее саднить стало. Я понимала, что такова жизнь князя, но при-

нять это было сложно. Теперь у бояр, у которых были дочери, было целых две возможности породниться с княжеской семьёй — не только через княжича Идана, но и через самого князя Земислава. Сам он не стар был, сороковой весны ещё не было, собой недурен, силён как медведь.

— А ещё я слышала... — тихо, почти у моего уха проговорила Живана, и я напряглась, — что Горислав из Радимичей свататься к тебе собрался. Они с отцом сегодня ночью приехали из Ратичи. И что пока договорятся тихо, а объявят уже после сорокового дня, как душа княгини окончательно уйдёт в Навь.

В животе у меня от новости такой стало пусто и холодно. Я не хотела замуж сейчас, рано было ещё. А тем более за Горислава из Радимичей. Грубый он, злой на вид вечно, а лицо с одной стороны ожогом обезображено — видела его трижды, когда они приезжали к князю отчитываться, как идёт защита княжества Седовского на южной границе у Седогорья.

— Не хочешь за него, Дарьяна? — прошептала Живана, скрепляя мне косу шерстяной нитью.

— Не хочу, — выдохнула я, ощущая, как сердце сжалось. К странному ночному предчувствию добавилось теперь ещё и это переживание.

— Поговори с князем сама. Он ведь не обижал тебя никогда, к княгине чутко прислушивался всегда. Он помнит, как Лучезара любила тебя. И князь всё же не Идан...

Я вздрогнула. Одно только имя княжича запускало по те-

ду колючие мурашки, а горло сдавливало. Может, выйти за Горислава и скорее уехать отсюда — не такая уж и плохая идея?

Только бы эти чёрные глаза не прожигали меня своей ненавистью.

Закончив, мы с Живаной отправились в горницу на завтрак. Женский стол располагался ближе к печи, и мне уже поставили миску с кашей с молоком и мёдом. За мужским столом было пусто, а повара убирали остатки — князь и княжич уже поели.

Аппетита совсем не было, но Милада заставила меня съесть всё до последней крошки, ещё и тёплый квас весь выпить. Я зыркнула на неё сердито, но, надо признать, почувствовала себя куда лучше.

После я и Живана отправились в другую горницу, где уже сидели ключница, Милада, бывшая нянька княжича Лада и другие прислужницы. Они тихо напевали обрядовую песню и пряли.

Я села у окна и тоже потянула нить. Рукоделие было не самым моим любимым делом, но каждая женщина должна была уметь это делать. К тому же, княгиня Лучезара говорила, что оно учит терпению и точности в делах.

Но едва я скрутила пальцами нить, как снаружи послышался громкий мужской смех. Окно было распахнуто, и я увидела, как на дворе, ближе к конюшням, друг напротив друга, обнажив тренировочные мечи, встали Горислав и кня-

жич Идан.

Глава 5

— Ребята, все подходим ко мне! — Я подняла правую руку, давая детям ориентир, а сама взглядом посчитала их, чтобы ещё раз убедиться, все ли вышли из автобуса.

Я обожала возить детей на экскурсии, но, бесспорно, это было весьма нервное мероприятие. Но так или иначе, это входило в мои прямые обязанности как педагога-организатора.

— Дарья Ивановна, мама спрашивает, до сколько экскурсия, — послышалось из жужжащей, словно улей, толпы детей.

— А мы пойдём за бургерами?

— А правда, что тем, кто поехал на экскурсию, в школу идти завтра не нужно?

— Это ещё что за новости? — рассмеялась моя коллега Мария Витальевна, с которой мы вместе руководили поездкой — классная руководительница восьмого “А”, из учеников которого и состояла в основном экскурсионная группа. — Блинов, тебе только бы школу прогулять!

— Неправда, Мария Витальевна!

Немного уgomонив детей, мы выстроили их в более менее стройный отряд и повели к музею. На входе нам по списку выдали двадцать пять билетов с указанием времени экскурсии и изображением терема и воина в плаще, подбитом ме-

ХОМ.

— Так, соблюдаем тишину, ребята! — К нам подошла невысокая женщина средних лет, одетая в длинное белое платье, подпоясанное красным поясом. — Я ваш экскурсовод — Марина Валерьевна. Добро пожаловать в музей славянской культуры. Прошу внимательно слушать меня и не перебивать! Если у вас будут возникать вопросы, то вы сможете задавать их после каждой локации музея, когда я закончу говорить. Всё понятно?

Дети прокричали шумное “да-а-а-а”, и экскурсовод кивнула идти внутрь за ней. Мы же с Марией Витальевной встали сзади колонны детей. Я тоже настроилась с интересом слушать, что будет рассказывать Марина Валерьевна.

Нас повели по залам. Первым был зал с картинами и книгами. Экскурсовод рассказывала, чьему перу принадлежали эти полотна, но имён художников я не запомнила. Я всматривалась в то, что на них было изображено. Суровые лица, знакомые картины быта Древней Руси и уже более близкого к нам времени.

На одной из них был изображён высокий терем, охваченный огнём. Это явно были богатые хоромы, даже не боярские. Наверное, княжеские. Огонь охватил всю постройку, и было件яно, что от терема не останется и щепки. Всё сгорит в пепел.

Я почему-то так залипла на этой картине, что пришлось проморгаться, потому что огонь казался словно 3-D — жи-

вым. В какой-то момент мне даже почудилось, что пахнет горелым деревом.

— Вот так выглядела изба крестьянина в одиннадцатом-двенадцатом веках, — экскурсовод повела нас в небольшую комнату, куда дети набились плотно, словно шпроты в банку.

Экспонатов было много. Тут были и расписные прялки, полотенца, глиняная и берестяная посуда, старинные гусли, свирели, жалейки, гудки. К потолку была подвешена люлька. И, конечно, тот самый, особый музейный запах.

Марина Валерьевна оказалась отличным экскурсоводом, и дети слушали её с интересом. Мы с коллегой тоже.

— А эта комната — реконструкция светлицы княжеского терема девятого века, — начала свой рассказ она, переведя группу к следующей локации.

В отличие от “крестьянской избы” тут убранство было куда богаче. В стеклянных шкафах стояли восковые фигуры мужчин, женщин и детей того времени, демонстрирующих одежду того периода. Мужчина-воин в кольчуге, плаще и шлеме, рядом женщина в синей тунике с длинными рукавами и пурпурном плаще с вышивкой золотой нитью, на голове покрывало, обрамляющее лицо и спадающее на плечи, украшенное венцом с колтами. За соседним стеклом девушка в светлом льняном платье с красной оторочкой и таким же красным с золотом очельем на голове.

Экскурсовод продолжила показывать элементы быта за-

житочных славян того периода, а я почувствовала себя странно. Возможно, тут мало было кислорода — сквозная вентиляция могла навредить экспонатам, а посетителей было много. Нас всех вместе с детьми было почти тридцать человек.

Я зажмурилась и потёрла виски. Голова кружилась, и мне снова почудился запах гари.

— Ничего не горит? — тихо спросила я коллегу, которая тоже очень внимательно слушала экскурсовода.

— Да нет, — та пожала плечами. — Я ничего не чувствую.

— А это у нас особые экспонаты, ребята! — сказала Марина Валерьевна, подводя группу к стеклянным стеллажам. — Как вы знаете, до принятия христианства в десятом веке, славяне были язычниками. И вот перед вами уменьшенные фигурки древнеславянских идолов, изображающих богов, в которых верили и которым поклонялись славяне.

Я тоже подошла к стеллажу. Под стеклом лежали несколько деревянных и каменных фигурок размером с кухонную скалку. Я снова почувствовала боль и давление в висках. Пульс сбился, заставив сделать резкий вдох и закашляться так, будто мне нечем было дышать.

— Даш, ты как? — Мария осторожно тронула меня за локоть.

— В порядке, — кивнула я, потому что дурнота резко отпустила. Ну точно тут воздуха мало было. Или, может, мне действительно стоило сходить к врачу. Аська, конечно, ска-

жет, что я опять накручиваю, но всё же странные вещи происходят со мной. Лучше убедиться, что всё в порядке.

— Конечно, это восстановленные по рисункам фигурки, имитация, но между прочим, ребята, вот этот фрагмент — осколок самого настоящего идола, найденного при раскопках! Историки предполагают возраст примерно седьмой-девятый век, найден этот фрагмент был на территории княжества Седовского*, существовавшего с шестого по четырнадцатый век.

Мало кто из детей оценил особенное происхождение небольшого осколка камня с линиями сохранившегося орнамента, но меня этот фрагмент тянул со странной, непреодолимой силой. Мне хотелось не переставая смотреть на него и даже коснуться.

— Чертовщина какая-то, — я вздрогнула и отшатнулась от стеллажа. И снова почувствовала запах гари...

Глава 6

Оба были без кольчуг. Горислав остался в кафтане, Идан же свой сбросил и засучил рукава льняной рубахи выше локтей. Тёмные, как смоль, волосы княжича были растрёпаны, брови нахмурены.

С Гориславом они не сказать, что были друзьями, но Ридимичи были верными князю вельможами и стойко удерживали южные рубежи княжества Седовского вдоль Седогорья, откуда часто приходили кочевые племена яровитов — степняков на быстрых невысоких конях. Они грабили деревни, убивали жителей. Когда Ратич, город-крепость вдоль гор, возглавил по наказу князя Земислава отец Горислава — Богдан Радимич, то уже через пять вёсен жители юга выдохнули с облегчением. Набегов степняков стало в разы меньше, дороги вдоль гор стали безопаснее, а весь юг теперь богател, потому что торговля расцветала.

Богдан был верен князю Земиславу, и даже когда князь Чернограда, с которым у Седовского княжества хоть и мир, но очень шаткий, хотел подкупить его, предлагая удельные земли куда больше и дочь свою в жёны, Богдан отказался.

Идан и Горислав не раз в походах бились плечом к плечу. И княгиня говорила, что друзьями были, но три весны назад между ними словно чёрная кошка пробежала.

Горислав и Идан обменялись возгласами и скрестили ме-

чи. Дружинники, обступив их с двух сторон, громко что-то выкрикивали и аплодировали.

Я же почувствовала, как в животе что-то сжалось, а руки остановились, перестав прясть. Замерли на нитке, что провисла. Сама не поняла почему, ведь подобные состязания были обычным делом.

Да и с чего бы мне было тревожиться?

Но, наверное, всё же пугали меня слова Живаны. Горислав пугал меня.

Некоторые в пряльне, особенно девки, тоже перестали прясть и стали украдкой поглядывать в окно. Смотрели они в основном на княжича Идана, а у некоторых тут же вспыхнул румянец на щеках.

Немудрено, ведь почти все девки во дворе заглядывались на него. Княжич был красив и мужественен, улыбался редко, но если улыбался... А многие и от его взгляда сурового трепетали, то бледнея, то краснея.

Но то, как Идан смотрел на меня... Это была не просто его привычная суровость. Это была леденящая душу ненависть. И я уже давно перестала пытаться понять, чем именно я её вызывала.

Живана и Милада сочувствовали мне. Нянька часто вздыхала, когда я, зарёванная после встреч с ним во дворе, вбежала в свою светлицу.

Тренировочный бой длился долго. Ни Горислав, ни Идан не уступали друг другу в силе и ловкости. Со стороны их

бой был похож на странный смертоносный танец, где они то уклонялись, то пригибались, то делали выпады.

В прялье раздались резкие выдохи, когда меч Горислава скользнул по плечу княжича, и рукав рубахи тут же окрасился в алый цвет. Я поймала себя на том, что тоже задержала дыхание, а нить на пальце натянула так, что та врезалась в кожу до боли.

Идан же, бросив короткий взгляд на раненое плечо, только удвоил или даже утроил силу, атакуя Радимича. И вот после двух выпадов и подсечки, Горислав оказался на земле, а меч Идана концом своим коснулся горла соперника.

На секунду все замерли. Дружинники тоже замолчали. Мечи были хоть и тренировочные, но убить ими можно было. И на секунду у меня возникла мысль, что именно это Идан и сделает, потому что взгляд его пылал яростью такой, которой обычно не видать в дружеских тренировочных боях.

Но уже через мгновение он убрал меч и отошёл, и даже руки Гориславу не подал.

— Княжич явно не в духе сегодня, — прошептала Живана, склонившись ко мне. — Ой, Дарьяна! Смотри, у тебя кровь!

Я опустила глаза и с удивлением обнаружила, что мой палец и нитка испачканы кровью.

— Порезалась, — пробормотала я и отложила пряжу.

Пообедав рыбной похлёбкой и творогом, мы с Живаной отправились складывать сушёную мяту и чабрец в холщёвые

мешочки. Все переплели нитью и передали жене лекаря.

Вечером в большом зале ужин накрывали повара на десятиях. Богдан Радимич с сыном и дружиной должны были уехать утром, пировать князю не хотелось, он всё ещё скорбел по жене, но накормить ближайшего соратника был обязан с почестями.

Я же, затолкав в рот сыр и запив квасом под пристальным сердитым взглядом Милады, отправилась к себе.

— С голоду помрет скоро, светится вся уже, — сетовала мне в спину нянька, провожая, но я её не слушала. Все мои мысли были заняты возможным разговором Богдана и князя о судьбе его сына и моей...

Внутри всё холодело и поджималось, кровь стучала в висках. Мне хотелось броситься к князю, упасть ему в ноги и умолять не отдавать меня Гориславу, позволить пожить тут ещё хотя бы три весны.

Но князь с гостями уже был в праздных палатах, а туда я и не подумала бы сунуться.

Вечером меня снова знобило, словно в лихорадке, но лоб не казался горячим. Я натянула на себя одеяло из овечьих шкур, закуталась вся в него, поджав ноги, но согреться не получилось. Зубы стучали, выбивая странную ломанную мелодию, а по плечам бежали мурашки.

Провертевшись с боку на бок, пока луна встала высоко, я всё же провалилась в сон.

Разбудил же меня запах удушливого, едкого дыма и кри-

ки, доносящиеся с улицы.

Княжеский терем горел.

Глава 7

Я откинула одеяло и вскочила на ноги. В горле бился удушливый страх, сердце стучало так гулко, что бой его отдавался во всём теле.

Я бросилась к окну, дёрнула ставни и всмотрелась через хрусталь*. Разглядеть смогла только тьму и рыжее зарево.

Отперев щеколду, я толкнул раму, распахивая окно, и охнула.

Всё ещё была ночь. Но двор был виден как днём из-за огня, что охватил его. Конюшни, скотный и птичий дворы были охвачены пламенем полностью. Амбары и охотничьи лабазы — тоже.

Как и часть самого княжеского терема...

Едкий дым пахнул в лицо вместе с прохладой ночи. Крики людей, ржание лошадей, вопли со скотного двора — всё смешалось в страшный гул.

— Батюшки... — прошептала я, ощущая, как моё горло сводит.

Я бросилась к двери прямо в нательной рубашке. Едва распахнула её, в лицо ударило жаром и дымом.

Огонь был ближе, чем мне показалось!

Я бросилась по коридорам терема в непроглядной тьме, потому что на стенах не горело ни одной лучины. Но я знала путь, поэтому передвигаться получалось быстро. Ровно до

того момента, как наткнулась на что-то на полу. Перецепившись, я упала, едва успев вытянуть перед собою руки.

— Ох! — резко выдохнула, приземлившись на ладони, которые тут же обожгло болью.

Ощупав руками пол, я наткнулась на то, через что перецепилась.

Это был человек.

— Эй! Кто это? — я потрясла его, схватив за одежду.

Но в ответ мне была только тишина.

Я пошарила руками и наткнулась на руку, которая была... холодной!

Вскрикнув, я отдернула свои руки. Внутри всё скрутило, пульсация в висках усилилась.

Нужно было бежать дальше! Спасаться от этого едкого дыма!

Я поднялась на ноги и нащупала стену. Из-за падения понимание, где я и куда бежать в сторону лестницы, стёрлось. Всё в голове будто перемешалось.

Но внезапно я услышала отдалённые крики. Кажется, это был голос княжича!

— Идан... — прошептала я, продолжая бежать. — Идан!

Я несколько раз позвала княжича, но горло начинало саднить. Горечь обжигала и заставляла кашлять. В груди горело.

Но я всё же смогла выбраться к лестнице!

Здесь уже тьма отступила, но место её заняли отблески пламени, что пожирала княжеский терем сажень за саже-

нем**.

Мои ноги дрожали. Я уже едва их могла передвигать, крепко держась за перила лестницы, потому что в груди болело и жгло.

Я видела, как пламя поползло вверх по длинным наконникам к верхним окнам большой палаты. От дыма и жара слезились глаза. Голову застилал туман, в висках скребло.

— Идан... — успела прошептать я, а следующий вдох уже сделать не смогла, успев ощутить вспышку боли в плече, когда повалилась на ступени. Но и эта боль утонула во тьме...

...

— Даша! — Мария Витальевна трясла меня за руку. — Ты вся бледная. Может, выйдешь на улицу?

— Да ну, а дети... я... — я мотнула головой и сглотнула вязкую слюну.

— Ну здесь я, присмотрю. Первый раз, что ли. Выйди на воздух.

— Хорошо, спасибо, — я благодарно кивнула коллеге и медленно пошла к выходу.

В переднем зале мой взгляд снова упал на картину с горящим теремом. И она снова показалась мне такой живой, словно изображённое я видела не на холсте, а в реальности смотрела в окно, наблюдая, как пламя пожирает деревянные постройки. И снова, кажется, почувствовала запах гари.

Может, это 3-D музей? Или как в музее Нефти в Бахрейне, где пахнет нефтью для полноты картины? Или, банально,

у работников в их технической комнате чайник сгорел или микроволновка, ну мало ли.

На улице мне действительно стало легче. Гул в висках стих, дышать стало легче. Привкус дыма на языке и в носоглотке уже не так явно ощущался.

Я приложила к горящим щекам прохладные ладони и несколько раз глубоко вдохнула. Нужно было возвращаться к детям.

Когда я вернулась в здание музея, ребята с экскурсоводом уже направлялись в локацию периода Ивана Грозного.

— Ой, я, кажется, заколку потеряла! — воскликнула Таня, девочка из шестого “Б”. — Можно я схожу в предыдущий зал?

— Я поищу, — улыбнулась я ей. — Продолжай слушать экскурсовода, чтобы не пропустить интересное.

Развернувшись, я снова направилась в зал Руси девятого века. Теперь он был пустым и безмолвным, а мои шаги казались слишком громкими. Я невольно поёжилась, но, сморгнув оцепенение, начала внимательно осматривать пол в поисках заколки девочки.

Вот она! Лежит прямо под стеклянным стеллажом на полу.

Я подошла и наклонилась, чтобы поднять заколку, но мои виски снова резко завибрировали. Кровь застучала в ушах, пальцы сковало покалыванием.

Выпрямившись, я отшатнулась. Мой взгляд упал на тот самый камень. Пришлось несколько раз моргнуть, потому

что мне показалось, что он издавал тихий, едва слышный гул и слабо вибрировал.

— Бред какой-то, — прошептала я пересохшими губами и вдруг закашлялась. В горле ощущалась сильная горечь дыма.

А ещё мне непреодолимо захотелось прикоснуться к камню. До дрожи в пальцах. Казалось, что это самое сильное желание из всех, что я когда-либо испытывала. Жизненно необходимое прикосновение, без которого я могу умереть прямо здесь и сейчас.

Совершенно не отдавая себе какого-либо отчёта, будто пребывая в тумане, я открыла верхнее стекло стеллажа и потянулась кончиками пальцев к камню...

*В 9 в. окна на Руси в богатых домах “стеклили” слюдой, которую называли хрусталём.

** мера длины, равная 2,13 м

Глава 8

Тьма вокруг меня была такой плотной и удушающей, что я даже не осознавала границы своего сознания. Меня будто выбросило за пределы этого мира в безвременье. В вакуум несуществования, где было лишь... ничего.

Я даже не поняла, как долго там находилась. Столетия или мгновения.

— Дарьяна! — донеслось откуда-то, и я почувствовала странную пульсацию.

Тук-тук. Тук-тук.

— Очнись! Дарьяна!

Вокруг стала ощущаться странная вибрация. Мне стало... больно. В груди. И в горле. И будто во всём теле.

— Давай же! — боль опалила и лицо, словно мне дали пощёчину. Станный стук становился громче и начал концентрироваться у меня в груди.

Сердцебиение. Это был стук моего сердца!

Или... не моего?

А потом меня накрыло. Звуки резко ворвались в голову — вопли поодаль, чьё-то хриплое дыхание, треск, лошадиное ржание.

Запахи — гарь, кровь, дым.

И боль... она была самой яркой из всех ощущений.

У меня болели лёгкие, горло, саднила кожа на лице и дико

пульсировало плечо.

— Давай же! Открой глаза, Дарьяна! — меня снова сильно встряхнули, и я, застонав, приоткрыла веки.

— Жива, — резкий выдох донёлся до моего слуха, всё ещё будто через вату, но уже куда чётче.

Очертания тоже приобретали резкость. Небо было тёмным, но вокруг было достаточно света, чтобы разглядеть лицо склонившегося надо мною молодого мужчины. Тёмные, всклокоченные волосы, суровый сосредоточенный взгляд, лицо перепачкано сажей, рубаха порвана.

Я узнала в нём того самого княжича Идана, которого видела в своих странных снах.

— Дарьяна, ты меня слышишь? — он ещё раз встряхнул меня, и правое плечо отдало резкой болью.

Я хрипло застонала, потому что моё горло сейчас было не способно издать какой-то другой звук.

Княжич будто понял. Его взгляд метнулся к моему плечу, и он ослабил хватку.

Этот сон самый ужасный. Слишком реалистичный. Будто я уже не наблюдала за происходящим глазами Дарьяны, а сама находилась на её месте.

На её месте...

Я сделала глубокий вдох и несколько раз моргнула. Зажмурилась на пару секунд и снова моргнула.

Я не чувствовала потока мыслей Дарьяны, как в своём сне. Её эмоций. Её решений.

Мысли были моими. Эмоции, чувства, ощущения — тоже.

Я... я — это она.

Нет-нет, не может быть. У меня что-то с мозгом. Может, опухоль, шизофрения, отравление тяжёлыми металлами или ещё какая-нибудь чертовщина! Или что-то подобное, и это просто сон!

Я зашлась в кашле, когда лицо мне обдало ледяной водой. Пульс ускорился, застучало в висках.

— Посмотри на меня, — княжич просунул ладонь под мой затылок и немного приподнял мою голову. — Дарьяна! Скажи что-нибудь!

Этого ведь не могло быть.

Так не бывает!

Всё происходящее было куда реальнее любой симуляции виртуальной реальности! Я дважды пробовала — на фестивале в парке с девчонками из университета, и раз с Владом. И это даже в подмётки не годилось!

С невероятным усилием я приподняла руку и прикоснулась кончиками пальцев к лицу княжича. Он замер, сцепив зубы, и моргнул.

— Какого хрена вообще происходит? — прошептала, глядя в его глаза, которые после моей фразы расширились.

— Какого... чего? Причём тут хрен? Ты явно ударилась головой.

Дарьяна не могла выругаться так. Тогда так не ругались.
Ох...

В глазах снова потемнело, в голове загудело, и меня затащило обратно во тьму.

Очнулась я спустя какое-то время.

Тело покоилось в тёплой постели и ощущалось лёгким. Никакой боли и горечи дыма в горле.

Всё-таки сон. Самый реалистичный и ужасный, который только мог мне присниться, но это был сон.

Я опять смежила веки и с облегчением выдохнула. Я снова была я, снова ощущала себя собой. Кажется, даже опять стала погружаться в сон, когда рядом послышался скрип, а потом тихий женский голос прошептал:

— Я принесла тебе снадобье для горла, Дарьяна. Лекарь сказал, чтобы ты выпила всё, тогда боль не вернётся ещё какое-то время.

Я ведь не ослышалась...

Резко распахнув глаза, я села, но голова закружилась так сильно, что меня качнуло.

— Эй, ты чего! — Меня подхватили тонкие руки и снова уложили. — Тебе пока нельзя вставать!

Я повернула голову и в слабом свете увидела обеспокоенное грустное лицо молодой девушки. Я помнила её из снов — это была Живана, прислужница Дарьяны.

— Идан велел доложить о твоём самочувствии, — прошептала она, поправляя на мне тёплое, пушистое покрывало

из овечьей шкуры. — Он думал, ты погибла... Едва нашёл тебя под обрушившейся лестницей, бездыханную. Вынес на воздух, пытался разбудить. Мы все думали, что всё... Забрала тебя Морена.

Морена... Кто такая Морена?

Это ведь богиня смерти у древних славян!

Настолько древних, которые ещё были язычниками и верили во множество богов, до крещения Руси, которое произошло в конце десятого века.

— Воды, — прошептала я, с трудом разлепив сухие губы.

— Сейчас, — девушка засуетилась, отставила деревянную миску, что держала в руках и метнулась к столу, что стоял чуть поодаль. — Держи.

Она помогла мне сесть и поднесла к губам деревянный ковш. Я сделала несколько глотков холодной, приятной на вкус воды, ощущая, как легчает саднящему горлу.

— А теперь вот это, Дарьяна. Что лекарь наказал.

Живана отставила ковш с водой и поднесла к моим губам деревянную ложку. В нос ударил резкий запах трав, и я поморщилась, но всё же приоткрыла губы. Девушка тут же влила мне в рот жижу и приказала проглотить.

Я выполнила и, признаться, не таким и мерзким оказалось лекарство. Сделано, кажется, на меду.

— Сейчас вернусь. Ты пока полежи, Дарьяна.

Прислужница крутнулась, подхватила что-то со стола и выбежала за дверь.

Я же, не послушав её, всё же откинула одеяла и сползла на пол с высокой кровати. Или что это была за конструкция, на которую меня уложили. Прошла босыми ногами по деревянному прохладному полу и остановилась посреди небольшой комнаты.

Плечо саднило, и я потрогала его осторожно. Затем коснулась тела. Оно было худее, чем обычно. Как будто тоньше.

Потрогала волосы и перебросила свалывшуюся длинную, ниже ягодиц, прядь наперёд через плечо. Присмотрелась к цветку в свете небольшого коптящего светильника — волосы казались хоть и перепачканными, но светлыми. Светлее моих.

Судорожно выдохнув, я потянулась кончиками пальцев к лицу. Коснулась скул, губ, бровей и уголков глаз. Губы были пухлыми, но маленький комочек филлера, о котором знала только я, не нащупывался. Как и родинка возле левого глаза. Точнее, она была, но слишком маленькая. Да и вообще кожа на ощупь была более нежной и гладкой, словно... словно мне было не двадцать пять, а... снова восемнадцать.

— Этого ведь не может быть, — прошептала я, всхлипнув. — Не может... Я сошла с ума...

— Может, — за спиной послышался низкий мужской голос, полный горечи. Он заставил меня подпрыгнуть от неожиданности и резко обернуться. — Сложно поверить, но нет больше ни княжеского двора, ни нашего терема, ни лошадей, ни моего отца, Дарьяна. Всё сгинуло в огне. И князь

тоже.

Глава 9.

Княжич был выше и массивнее, чем мне показалось в воспоминаниях Дарьяны. Я, а точнее Дарьяна, ему едва до плеча доставала, если рядом встать.

— Мне... — я не сразу сформулировала мысль в своей голове, что он сейчас говорил не просто о гибели князя, он говорил о гибели своего отца. — Мне жаль...

Я не знала, как правильно выражать сочувствие. Как люди этого времени привыкли это делать. Чёрт, да я вообще ничего не знала!

Я попыталась вспомнить что-то ещё из памяти Дарьяны о княжиче, о князе и о ней самой, каковы их отношения и почему между ними был разлад, кроме того, что я уже знала, но завеса была такой плотной, что моё сознание за неё не пробилось. Те отрывки по несколько минут из памяти Дарьяны и потоки её мыслей в эти отрывки — всё, что у меня было.

Княжич, а точнее, теперь, наверное, уже князь продолжал хмуро смотреть на меня, и мне стало неудобно под его взглядом. Я обхватила себя руками и задрожала.

— Тебе стоит вернуться в постель, — проговорил Идан негромко, но повелительным тоном, не терпящим возражений.

Я уже было открыла рот, чтобы возразить ему, что сама решу, когда мне нужно возвращаться в постель и нужно ли

вообще, но потом захлопнула его.

Происходящие было совершенно невероятным, но так или иначе, мне стоило помнить, где я нахожусь и перед кем. Во-первых, это был человек, с которым Дарьяна, а теперь, получается, я, в плохих, очень плохих отношениях, если судить по тому, что я помнила из отрывков снов. А во-вторых, передо мной стоял новоиспечённый князь. Человек, который решал, кому тут дышать, а кому нет. Тот, кто обладал властью.

А ещё я была женщиной. Даже в двадцать первом веке женщинам часто приходилось титаническим трудом добиваться права голоса, чего уж было говорить за дохристианские времена на Руси, где я каким-то невероятным образом оказалась.

Сглотнув, я под всё тем же тяжёлым взглядом мужчины, что давил на меня бетонной плитой, прошла к кровати и забралась обратно под овечью шкуру. Идан же, больше и слова не сказав, стремительно вышел и гулко прикрыл за собой скрипнувшую дверь.

Господи, Даша, сейчас было самое время проснуться. Вернуться в свою реальность, в своё время, свою собственную постель.

Я подтянула колени ближе к носу и крепко-крепко зажмурилась. До боли в глазах.

Но это не сработало. Я лежала всё на том же подобии кровати под овечьей шкурой в теле Дарьяны.

Я здесь застряла. Это было совершенно невероятно. Слишком реально, чтобы быть сном или галлюцинацией. Слишком по-настоящему.

Как это случилось? Почему? Как вообще такое было возможно?

Я потрясла головой и сжала виски. Плечо прострелило болью — Дарьяна упала на него, когда пыталась спастись из задымленного терема.

Я чувствовала не только её эмоции, но и физически ощущала её боль. Это было ещё одним подтверждением, что я не просто наблюдала за Дарьяной из своего сна. Теперь я ею являлась.

Мне стало тяжело дышать.

И нет, совсем не от того, что я надышалась дымом. Это был приступ паники, потому что первый шок и отрицание прошли, и на меня снизошло осознание произошедшего.

Я села и схватилась за горло, тщетно пытаюсь вдохнуть. Сердце начало разгоняться, перед глазами забегали мушки. Паническая атака настигала меня, а я, хоть и знакома была с этим отвратительным явлением и даже научилась с ним справляться, сейчас оказалась полностью беспомощна.

Мысли закружились в бешеном водовороте, выдёргивая из памяти то, что я когда-то изучала или слушала от отца про период дохристианской Руси. И чем больше деталей всплывало, тем хуже мне становилось.

Отсутствие лекарств, электричества, бытовых удобств...

Нравы людей... Я же здесь и месяца не протяну. И это при условии, что ненавидящий меня княжич не прикажет бросить меня в какую-нибудь темницу, перед этим распорядившись высечь розгами.

— Дарьяна! — Дверь скрипнула и через мгновение меня крепко обхватили тонкие девичьи руки. — Дыши! Всё позади! Дыши! Дыши! Всё уже позади!

Она встряхнула меня за плечи, когда я вся затряслась. Горло отпустило, и я сделала глубокий вдох. Голова закружилась и, как обычно бывает после панической атаки, на меня накатила жуткая слабость.

Поддерживаемая Живаной, я повалилась обратно на постель. Грудь и горло больше не стягивало ремнями, и я могла дышать свободно. Но в голове пульсировала гнетущая, пугающая мысль, что мне теперь придётся здесь жить и выживать. И я понятия не имела, как это делать.

В книгах в прошлое попадали обычно те, кто что-то умел делать и знал, как выжить — военные и изобретали в книгах для “мальчиков” и попаданки — врачи, кондитеры, учёные в женских романах.

А я ничего не умела. Ничего из того, что может помочь выжить. Я просто школьный педагог-организатор.

И теперь я в полной заднице.

Глава 10.

Меня знобило, бросая то в жар, то в холод, весь день и всю ночь. Живана почти не отходила от меня, время от времени отпаивая какими-то отварами, после которых я погружалась в странное состояние ни то яви, ни то сна. И только к утру следующего дня я проснулась, почувствовав, что мне действительно стало лучше.

— Тебе нужно поесть, чтобы силы были, — проговорила прислужница и протянула мне прямо в постель деревянную миску.

Есть я действительно хотела. Желудок жалобно заурчал и сжался, когда я посмотрела на то, что было в миске. С едой у меня с детства отношения были так себе, новую для себя кухню я предпочитала пробовать очень редко. Но сейчас выбора всё равно не было.

Я взяла деревянную ложку, которую протянула мне Живана и, зачерпнув немного, попробовала кашу. Та оказалась тёплой и вполне вкусной, пахла козьим молоком и была сладкой.

— Я добавила тебе немного мёда, — заговорщически прошептала Живана. — Почти все запасы сгорели, но две бочки спасти успели.

— Спасибо, — улыбнулась я, почувствовав к этой девушке тёплую волну благодарности.

Живана была милой молоденькой девушкой с тёмной, как смоль, косой, большими глазами и пухлыми, чётко очерченными губами. Бровям же могли позавидовать все модели моего времени — они у неё были густые, чёрные, с красивым естественным изгибом. Немного нервные зубы совсем не портили милую улыбку.

Я не помнила всех мыслей и чувств Дарьяны, но каким-то чувством всё же понимала, что для той Живана была не просто девкой-прислужницей, она была её подругой.

— Ты сама-то не пострадала? — я подняла глаза на девушку.

— Я нет, как раз на кухне была, когда терем гореть начал. А вот Милада... — Живана опустила глаза и горько всхлипнула. Я же попыталась вспомнить, кто это. Точно! Это же была нянька Дарьяны! — Милада отправилась к Морене, Дарьяна. Огонь забрал её.

Я эту женщину не знала, но та заботилась о Дарьяне с малых лет. Наверняка она была ей очень дорога.

Я отставила миску и совершенно искренне закрыла лицо ладонями. Не пыталась выдавить слезу, нет, но чувствовала, как грусть стянула грудь ремнём.

— Весь княжеский терем сгорел в прах. От конюшен и птичьего двора почти ничего не осталось. Удалось спасти около десятка лошадей только.

— А люди? — я посмотрела на Живану с замиранием сердца.

— И люди тоже погибли, Дарьяна. Князь Земислав, Богдан Радимич тоже угорел, Милада, слуг с дюжину, ключник Тихон, — девушка тяжело выдохнула. — Беда, Дарьяна, беда.

— Ох, — я покачала головой. Я не знала всех этих людей, но сердце сжималось.

— Княжич Идан уверен, что неспроста всё случилось.

— Поджог? — я перестала жевать, а по плечам озноб прокатился.

— Он самый, — покачала головой Живана. — Только разбираться надо. То ли враги, то ли месть, то ли колдунство. Поговаривают, в лесу за Молочным озером колдунок Денницы* видели. Они обычно не ходят сюда так близко.

У меня к колдовству и прочим подобным вещам всегда отношение было одно — бред это и сказки. Я и сейчас едва не хмыкнула, но внезапно почувствовала тягучую пустоту внутри.

То, что со мной случилось — и есть колдовство, не иначе. Магия, в которую я никогда не верила и считала глупыми выдумками. Смеялась на Аськой, своей подругой, которая перед каждым важным делом бегала раскладывать таро к своей знакомой.

Сейчас же не смешно совсем мне стало. А ещё мысль закралась — а не связаны ли эти колдунки, как их назвала Живана, и этот пожар, унёсший столько жизней, с тем, что я тут оказалась?

Мои пальцы тут же задрожали, когда я вспомнила ту картину на стене в музее, на которой был изображён горящий терем. Он ведь словно на самом деле пылал! Даже запах гари я чувствовала.

Но только я. Больше никто.

Живана убежала, забрав опустевшую миску, а я, откинув шкуры, сползла на пол. Сегодня действительно ноги казались уже более устойчивыми, горло почти не саднило. Немного ныло плечо, но это было терпимо.

Я заметила большую деревянную лохань, наполненную водой, от которой шёл пар. Пока ела и плавала в своих мыслях, даже и не заметила, как Живана наполнила её для меня, а рядом сложила чистую одежду.

Это было тем, о чём я могла только мечтать. Поэтому, не тратя времени, скрутила волосы в жгут, кое-как закрепив их повыше, скинула порванную грязную сорочку и погрузилась в тёплую воду, с наслаждением простонав.

— Вот же нетерпеливая! — всплеснула руками Живана, снова вихрем ворвавшись в комнату, а я с перепугу обхватила себя руками, сжавшись. О чём я только думала! Сюда же мог войти кто угодно! Да даже княжич!

Живана подошла ко мне, взяла пучок каких-то сухих растений и стала тереть мне ими спину. Я было открыла рот, чтобы воспротивиться, но передумала. Дарьяна воспитывалась при княжеском дворе как знатная девушка, наверняка, для неё помощь прислужницы при купании была обычным

делом.

— Бани тоже погорели, — покачала головой Живана. — Потому вот так пока.

Да уж.

В голове вспыхнула совсем неуместная мысль, от которой захотелось истерично расхохотаться — хорошо, что я не попала в средневековую Европу, а то с моей любовью к водным процедурам меня бы уже сожгли на костре, как ведьму.

Живана помогла мне вымыть всё тело, и далось мне это не без смущения. Но когда она запустила пальцы мне в волосы, вспенивая на них яйцо, я расплавилась от удовольствия. Эта девушка — настоящая волшебница.

После она помогла мне обернуться чистой льняной тканью, и я сама вытерлась насухо, пока Живана куда-то отлучилась. Пользуясь моментом, рассмотрела своё новое тело. Дарьяна была стройной и худенькой, но грудь у неё была приличной. Больше моей двойки. Тонкая талия и округлые, но не выдающиеся бёдра. Ноги стройные, с высоким подъёмом на ступнях.

Я натянула чистое платье и взяла в руки два прямоугольника тонкой шерстяной ткани, задумавшись, как же правильно их надевать. Я видела похожие в фильмах и в том зале в музее — что-то вроде юбки, но из двух половинок, но ни названия не помнила, ни как нужно надевать.

На помощь, слава Богу, пришла Живана. Она принесла округлую металлическую пластину, выпрямленную и от-

шлифованную, и я догадалась, что это, наверное, зеркало. Точнее его предок на Руси.

Живана, быстро работая руками, набросила на меня эту юбку, а потом усадила напротив зеркала, чтобы заплести косу. Пока она делала это, я смотрела на своё отражение. Не идеальное, не как в обычном зеркале, но всё же я смогла рассмотреть молодое красивое девичье лицо — большие глаза, брови густые, но намного светлее, чем у Живаны, губы пухлые. Зубы все на месте, ровные. Щёки только бледные, без румянца, но может это из-за пережитого?

Дарьяна была красивой, но... хрупкой. Явно не из тех, что “и в горящую избу...”. Насколько я помню из истории, такие девушки не пользовались спросом на Руси. Но... мне это и на руку. Потому что мне не пользоваться спросом надо, а найти возможность вернуться домой, в своё время.

*Денница — в старославянской мифологии покровительница ночи и луны.

Глава 11.

Выходить на улицу было страшно. Но и сидеть в этой комнате вечно я тоже не могла.

— Эй, ты чего? — Живана остановилась, когда я замерла на пороге, не зная, нужно мне вправо идти или влево. — Идём.

Я схватила её за руку, лихорадочно соображая, что мне делать. Я ведь почти ничего тут не знала. Память Дарьяны, не считая тех обрывков, что я видела в своих снах, по-прежнему была закрыта от меня туманом. Люди, местность, да даже расположение в постройках — я не знала ничего. И это нужно было как-то объяснить.

— Я... — я сглотнула. — Живана, я почти ничего не помню.

Девушка моргнула и посмотрела растеряно.

— Наверное, я приложилась головой, когда упала в коридоре. И помню только какие-то отрывки, — врать правдой оказалось делом странным.

— Ладно... — прошептала Живана. — Помнится мне, как Звят с коня упал в прошлом году. Тоже не помнил многое. Потом память вернулась. Ты не переживай, Дарьяна, и к тебе вернётся.

— Буду надеяться на это...

— Нам сюда, — Живана крепче сжала мою руку и повела

за собой.

Мы спустились по узкой лестнице и оказались в широком помещении, залитом ярким светом через распахнутые большие окна и большой проём. Оно скорее напоминало склад — тут стояли бочки, были сложены мешки и сундуки. Две женщины сутились возле одного большого открытого сундука, перебирая в нём отрезы тканей.

— Это — всё, что осталось от княжеского двора, — с грустью вздохнула Живана. — Всем предстоит большая работа.

Мы вышли на улицу, и я остановилась на пороге, моргая от непривычно яркого света. Воздух был тяжёлый, пах гарью и мокрым деревом. Пепел лежал мягким слоем вокруг — на земле, кустах, на стенах ближайших уцелевших постройках. Большой княжеский терем, где ещё недавно кипела жизнь, стоял большим немым обуглившимся скелетом с торчащими чёрными балками и провалившейся крышей. На кривом зубце обгоревшей постройки висел оплавившийся обруч от бочки.

Люди сновали туда-сюда. Голоса их звучали приглушённо, прерываемые тяжёлыми вздохами. Две женщины в подолах своих юбок что-то переносили на первый этаж уцелевшего, “малого”, как назвала его Живана, терема. Дальше дружинники, закатав рукава выше предплечий, за узды осторожно тянули из-под обломков коня.

Я сделала несколько шагов, и под подошвами моих кожаных сандалий захрустела зола. Сердце сжалось от этой ужас-

ной картины.

— Лом сюда! Держи! — послышался тяжёлый зычный голос дальше у завала.

Это был Идан. Он стоял выше над остальными, на перевёрнутой двери, уложенной на два обуглившихся камня. Рукава его светлой, перепачканной золой рубахи, были засучены.

— Княже, там нашли ещё двоих! — крикнул один из дружинников. — Живы!

— Кони или люди? — отозвался Идан.

— Люди. Но, кажется, кобыла ещё одна выжила.

— Эти брёвна — в сторону, — продолжил он командовать четырьмя крепкими мужчинами. — Тут освободить проход к колодцу. Людей ведите к южной стене, держите ход до вечера. Ключнице скажите, чтобы вела счёт хлебу и мёду. И не расточать!

— Сделаем, владыка! — один из мужчин низко поклонился и тотчас убежал к женщинам, что продолжали складывать спасённые припасы в уцелевший терем.

— Кто кашляет — к лекарю. Кто на ногах — все к завалам! — снова отдал приказы Идан, а потом его взгляд упал на меня.

Молодой князь нахмурился, но сейчас в его тёмном взгляде сквозила скорее не ненависть, как в воспоминаниях Дарьяны, а усталость и глухая ярость. На меня она была направлена или на всё случившееся — было не разобрать.

— Что ты здесь делаешь? — низко проговорил он. — Тебе велено было лежать.

— Мне уже лучше, — я остановилась в нескольких метрах от него и посмотрела снизу вверх. — Я не могу отлёжиться, когда здесь каждые руки на счету.

Это действительно было так. Я не знала, что могу сделать, но чувствовала, что должна. Что не могу просто бродить среди этого хаоса и смотреть.

— Твои руки уже сделали достаточно, — челюсть князя напряглась, а я ощутила вспышку тревоги внутри. Что же такого произошло, что сделала Дарьяна, что Идан так её ненавидел?

Да, он спас её от огня. Но это мало что меняло — он по-прежнему сильно её ненавидел.

Только уже не её. Меня. Теперь натиск его ненависти предстояло выдерживать не Дарьяне, а мне. И я понятия не имела, с чем это было связано.

— Идан! — к нам подскочила Живана, но тут же, смешавшись, поклонилась. — Княже! Дарьяна во время пожара головой приложилась. Она почти ничего не помнит.

Я даже не знала, вызвало это вторжение в разговор у меня раздражение или облегчение.

Идан выглядел озадаченным. Его брови сошлись на переносице, и он взглянул сначала на Живану, потупившую тут же взгляд, а потом на меня.

— Иди и не мешайся под ногами, — буркнул недовольно

и отвернулся, чтобы отдать новые распоряжения. А потом спрыгнул с двери, взял лом и присоединился сам к дружинникам разбирать завалы.

Живана перевела на меня взгляд и что-то хотела сказать, как недалеко от нас раздался громкий детский плач. Чуть поодаль стоял малыш лет пяти, перепачканный золой, в порванной рубахе. К нему подошла девочка чуть старше, а с нею ещё двое детей лет по восемь. Они озирались и не знали, что им делать.

Вот тут-то я и почувствовала, что могу помочь. Это ведь было моей профессией.

— Идём, — я потянула Живану за руку. — Нужно накормить этих детей и посмотреть, нет ли ещё потерявшихся.

Глава 12.

— Кажется, они голодны. Где мы можем их накормить?

— спросила я у Живаны.

Та сначала моргнула в замешательстве, но потом, видимо, вспомнила, что я “ничего не помню” и отмерла, закивав.

— Кухню сделали в старой постройке, там печи хоть и небольшие, но остались. Не успели ещё разобрать. Вчера Дана там уже готовила стряпню с Анной и Ладой. Идём.

Я повернулась к детям и сказала им всем вместе следовать за мной. Они переглянулись, потом снова несмело посмотрели на меня, а потом всё же посеменили следом.

Живана повела меня вокруг обгоревших развалин, мимо колодца к небольшому строению, из трубы которого шёл дым. Постройка была невысокой, располагалась у задней стены двора, у самого оврага. Потемневшие от дыма брёвна оказались влажными на ощупь, когда я к ним прикоснулась.

Внутри на полу стояли несколько холщовых мешков то ли с мукой, то ли с крупами, на деревянных столах были свалены тюки, вязанки сушёных грибов, посуда. Воздух казался густым от запахов кислой капусты, дыма и тёплого теста, которое на массивном деревянном столе руками вымешивала полная женщина. Лицо её было красным, пот крупными каплями катился по лбу и шее, и она его время от времени отирала тыльной стороной руки.

— Господи, как ту жарко, — выдохнула я и тут же осеклась. Местные боги тут были другие, и мне стоило быть осторожной в своих привычных высказываниях. — Макошь, храни. — Тут же шепнула, исправляя оговорку и надеясь, что сказала я правильно. Имена старославянских богов некоторых я помнила из отцовых лекций, на которых иногда присутствовала, будучи ребёнком, но не была уверена, что их упоминали вы быту так же, как мы привыкли упоминать нашего Господа.

Большинство речевых оборотов, характерных для этого времени, кстати, приходили на ум сами, наверное, это было как рефлекс, доставшийся вместе с телом, но я всё равно предпочитала фильтровать свою речь, не позволяя прорываться привычным мне выражениям. А лучше и вовсе больше помалкивать.

— Живана, разложи на три больших блюда сыр и капусту и отнеси на стол на улицу. Лепёшки тоже. Лада сейчас квас из бочки в кувшины нальёт и тоже отнесёте. Похлёбка варится, разольём тем, кто позднее придёт, — отдала распоряжение женщина.

— Дана, детей бы накормить, — сказала ей Живана, бросив на меня короткий взгляд. Так, спасибо за подсказку — теперь я знала имя кухарки.

— Пусть берут то же, мёду ещё им дай.

Видно было, что женщина эта добрая, хоть и говорила она строго, громко и отрывистыми фразами.

— Я сама, — кивнула я Живане. — Неси еду на столы.

Видимо, Дарьяна, хоть и не была родной дочерью князя, всё же пользовалась при дворе теми же благами, что и княжны, потому что и кухарка, и сама Живана с удивлением на меня взглянули. Я же решила не заострять внимания на этом и позвала детей сесть за длинным столом в углу, чуть раздвинув сваленные на него небольшие мешки. А когда дети расселись, взяла деревянные миски, что горкой стояли в углу на полке, стала накладывать туда по кусочку сыра и по пучку кислой капусты. Лепёшек было немного, и пришлось разделить каждую на две части, но зато я добавила на каждый ломоть немного мёда.

Дети принялись за еду с энтузиазмом, а я почувствовала, как в груди заскреблась грусть. Точно так же я должна была стоять со своими подопечными где-то во кафешке после экскурсии и наблюдать, чтобы они за собой не оставили беспорядка, когда слопают свои бургеры и картошку фри.

Живана и ещё одна молоденькая девушка лет пятнадцати стали носить еду на улицу, где был выставлен длинный стол с лавками, и куда по нескольку человек подходили то перепачканные золой дружинники, то кто-то из двора. Они ели быстро и шли дальше разбираться с последствиями пожара, а девушки уносили посуду, мыли её в большой лохани, натирая песком, затем снова наполняли едой и уносили на улицу.

Я же к этим нескольким детишкам привела ещё четверых: троих нашла блуждающими на улице и одну девочку лет

пяти забрала у молодой женщины, что перебирала уцелевшие ткани за кухней. Малышка рыдала и не хотела отпускать мать работать, и женщине пришлось носить её на спине. Заметно было, что той тяжко, ещё и в такую жару. Солнце-то уже поднялось высоко, на небе не было ни облачка, а эхом жара несло ещё и от погоревших строений. Малышка почти сразу пошла ко мне на руки, стоило предложить ей обмазанную мёдом лепёшку.

После еды я усадила детей на пол и показала им простую игру в “ладошки”. Надо же как — она работала и с младшими школьниками из двадцать первого века, и с детьми из девятого или в какой там я попала. Универсальные педагогические технологии так сказать.

И пока дети были заняты, я вытерла выступивший на лбу пот и отошла к большому столу, с которого кухарка Дана небольшим деревянным скребком отчищала остатки прилипшего теста. Взяла такой же у печи с стала ей помогать.

— Княжна, а у тебя руки не такие уж и белые оказались, — негромко сказала Дана, а я удивилась, что она княжной меня назвала. Мне, к слову, было интересно, как дворовые люди называли Дарьяну. По роду княжной она ведь не была, но по положению, судя по всему, считалась тут.

Я не знала, что должна была ответить, поэтому пожала плечами и негромко пробормотала примерно то же, что и сказала Идану:

— Сейчас каждые руки на счету.

— Оно и к лучшему, — закивала Дана, стащив свой мокрый от пота платок. Она развязала его, пригладила пальцами уже начинающие сесть светлые волосы, и снова быстрым привычным движением повязала платок снова на голову. А потом тяжело вздохнула, посмотрела на меня с искренним сожалением и продолжила, понизив голос. — Как знать, Дарьяна, может и сгодится тебе умение руки свои приложить. Княжич Идан теперь князем стал, вся власть в руках у него. Неизвестно, что сделает с тобой. Лучезара сколько уговаривала князя Земислава признать дочкой тебя, а тот всё никак. Но хоть замуж тебя отдать хотел, приданого бы дал. А молодой князь — лихая голова. Ох, беды тебе от него ждать, девонька.

У меня по плечам мурашки побежали колючие, дрожь сдержать едва удалось, хоть тут и жарко было.

Что же такого сделала Дарьяна? За что Идан так её ненавидел? И самый главный вопрос — что теперь делать с этим мне?

В мыслях своих я и не заметила сначала, что Дана как-то резко притихла и, засуетившись, схватилась за какие-то горшки. А когда я подняла глаза, то увидела, что вход в кухню загородила массивная фигура молодого князя. А его тяжёлый взгляд остановился на мне.

Глава 13.

Идан вошёл в помещение двумя тяжёлыми шагами и, казалось, заполнил всё пространство собой. На улице я как-то не осознала его габаритов сразу, а тогда в комнате мне было слишком плохо, чтобы понять. Сейчас же понятие “богатырь” обрело своё непосредственное значение. И это тебе никакого зала с железом и протеинов в порошках, никаких стероидов. Его железо — это меч тяжеленный, щит да броня. И во всём этом надо не просто на коне усидеть, а ещё и сражаться.

Внезапно меня охватил какой-то необъяснимый благоговейный страх, и я, пошатнувшись, отступила назад.

— Не стой там, девонька! — громко окрикнула меня Дана, что как раз начала замешивать новую порцию теста. — Котёл позади тебя гляди не переверни. И если не сложно, помешай! А то густое пошло!

Я повернулась и посмотрела на подвешенный над красными углями в печи котёл. Он кипел и парил, вынуждая крышку подпрыгивать. Я схватила тряпицу, висевшую рядом на крюке, и попыталась поднять тяжёлую крышку.

— Отойди, — хмуро пробасил очень близко за спиной князь и, выхватив у остолбеневшей меня тряпку, сам поднял крышку котла. И сделал это едва ли не одним пальцем, так, словно та ничего не весила.

Я замерла на несколько секунд. Пар окутал лицо, и в носу защипало от ароматов. Внутри плавали коренья, какая-то крупа, похожая на ячмень, и куски рыбы. Голова тут же закружилась, но не от голода, а скорее от духоты в кухне и от близости князя. Он ведь действительно стоял слишком близко... Я чувствовала его крепкий мужской запах. Без всякого парфюма, но...

— Ну? — приглушённо буркнул он, и я вздрогнула.

Сморгнув странное состояние, подхватила деревянную лопату, что лежала рядом на припечке, и размешала похлёбку.

Кто-то из детей заплакал, и я, отложив лопату, подалась к ним.

— Так, что у вас тут стряслось? — посмотрела на двух мальчишек, которые не могли поделить кусок лепёшки. Одному было около пяти, второй помладше, трёхлетка, наверное. И вот второй решил отобрать у старшего кусок, который тот смаковал слишком долго. Не наелся, наверное, бедолага.

Малыш горько расплакался, когда старший мальчик всё же стал отвоёвывать своё.

— Ясно. — Кивнула я. — Так, не реви, сейчас поищем тебе ещё. Есть ещё сильно голодные?

— Я!

— И я!

— Можно и мне!

— Нету столько у нас! — Отрезала Дана, продолжая с уси-

лием вымешивать тесто, а я растерянно осмотрелась. Дать кусок только этому малышу и не дать остальным это совсем нехорошо. Но не накормить плачущего от голода ребёнка тоже.

— Мы разделим то, что есть, на всех, — решительно сказала я и подошла к столу. Присутствие князя, внимательно наблюдающего за мною, я старалась игнорировать изо всех сил.

Лепёшек было только три. Даже если разделить поровну, крохи получатся... Но деваться некуда было. Похлёбка была почти готова, если кто совсем остался голоден, потом её поедят.

— Детей накормите как положено, — отдал приказ Идан, и я подняла него глаза. — Взрослые подождут следующий пай.

— Княже, ты сказал не расточать! — Дана оторвалась от теста и вытерла лоб рукой. — Муки не так много. И...

— Завтра со Златоручья довезут. С города дополнительно оброк брать не будем, в этом году хороший урожай был. За провизией к наместнику Долины я уже послал.

— Хорошо, — кивнула Дана, а я попросила детишек поиграть на улице за постройкой, пока новые лепёшки испекутся. Пообещала мёду больше дать, если реветь не будут. Дети ушли и увели и вытирающего красные, мокрые от слёз щёки малыша.

В кухне опять стало нечем дышать. И дело было не в жаре

и парящем котле с похлёбкой. Князь по-прежнему вытеснял собой весь кислород. И по-прежнему пристально наблюдал за мной.

— Живана говорит, ты ничего не помнишь из-за удара головой, — проговорил он, внимательно вглядываясь в моё лицо, словно выискивая признаки лжи. — Это так?

— Почти, — кивнула я, вдавив ногти в ладони, чтобы хоть как-то отвлечь себя от странного мороза, что бежал по спине под тяжёлым внимательным взглядом Идана. — Помню отрывками. Кусками. Но мало.

Мне, в отличие от Дарьяны, уже было двадцать пять лет, и трепетать под мужскими взглядами, как тростинке на ветру, мне уже не пристало. Но от князя исходила такая тяжёлая энергетика, такая явно ощутимая всеми фибрами тела Дарьяны угроза, что моё более опытное сознание не справлялось. Словно тут именно тело задавало ритм этим эмоциям.

Идан прищурился, словно всматривался в самую душу, но никак не прокомментировал.

— Завтра на рассвете мы уезжаем. Будь готова. Старый терем снесут и начнут строительство нового, а мы тем временем побудем в южной крепости. Горислав отправился ещё вчера, подготовит всё. Ты тоже поедешь.

— Княже, а дворовые? Нам тоже собираться? — Дана услышала наш разговор и, поклонившись, обратилась к Идану.

— Нет. Вас расквартируют в городе и будете обустривать

восстановленный двор. Едем только я и Дарьяна. И часть дружины для охраны. На время восстановления княжеского двора, правление будет из Ратича, как всё будет готово — вернёмся в Седов.

Дана кивнула и вернулась к работе, а я вся обмерла. Из воспоминаний Дарьяны я помнила, как сильно она не хотела замуж за Горислава! Неужто Идан решил выдать меня за того?

О Боже мой, этого мне ещё не хватало! Мало того, что меня каким-то образом забросило в девятый век, подкинув к злющему и опасному сводному братцу, так ещё осталось меня замуж выдать за жестокого грубияна!

— А Живана? — я бросилась за князем, что уже направился к выходу. — Она поедет?

— Нет.

— Но почему? — Сердце нервно заколотилось. К этой милой девушке я чувствовала доверие, чувствовала, что она хорошо относится ко мне. Лишиться её, единственного человека, которому я могла хоть немного доверять в незнакомом для меня мире было бы очень плохо! Да и страшно было одной ехать куда-то с одними только мужчинами. — Идан... Княже! Прошу, пусть она тоже поедет! — Взмолилась я.

Князь замер и обернулся, недовольно поджав губы.

— Хорошо. Завтра на рассвете чтобы были готовы.

Глава 14.

Разбудила меня Живана, когда небо ещё даже не занялось рассветом. Я умылась, натянула свежее льняное платье, накинула наверхник* и закрепила его с боков, порадовавшись, что смогла сделать это сама. Живана подпоясала меня вышитым орнаментами поясом, а потом, хоть и стояло лето, утро было довольно прохладным, и она набросила мне на плечи тонкий шерстяной дорожный плащ с капюшоном. Прислужница заплела мои волосы в косу и повязала на голову тонкое очелье, прикрепила к нему какие-то украшения. Береги, наверное.

— Надень поддёвы, — протянула мне сложенную ткань.
— В дороге надёжнее.

Пока Живана что-то засовывала в небольшой холщёвый мешок, я развернула то, что она мне дала и несказанно обрадовалась. Это были тонкие льняные штаны. При отсутствии белья такое не могло не порадовать.

Я натянула их под платье и завязала шнурок на талии. Длинной эти узкие тонкие штаны были мне чуть ниже колен и под платьем не видны.

— Идём, Дарьяна, пора, — сказала девушка, также натягивая тонкий кафтан и плащ, только попроще.

Она подхватила мешочек, взяла со стола жирник и, подняв его, осветила нам путь.

Когда мы вышли на улицу, заря уже занималась. Воздух был свежий и прохладный, стоял без какого-либо движения. Ни дуновения ветра, ни звука. Я замерла, на мгновение прикрыв глаза. Я никогда не слышала в своём времени такой стеклянной тишины. Даже ночью. Фоновый, пусть едва различимый, гул холодильника в квартире, звуки от соседей. На улице всегда где-то проезжала машина, в любое время суток. Здесь же мир с наступлением ночи погружался в тишину, максимум — лёгкие шорохи живой природы. Это было непривычно, пугающе и... прекрасно.

Послышались приглушённые разговоры и тихое ржание лошадей. К нам шли Идан и трое его дружинников. На князе был длинный тёмно-красный плащ, на поясе прикреплён короткий меч. Голову перетягивал тонкий кожаный шнурок. Каждый из мужчин вёл под узды коня, а двое из них — по два.

— Велемир тоже едет, — едва слышно выдохнула Живана рядом со мной, и я распознала в её тоне восторженный трепет. Кто из этих дружинников был Велемир, я не знала, но по интонациям Живаны стало ясно, что это явно не её брат. Возлюбленный?

Она притихла, едва дыша, а меня это заставило улыбнуться. Трепетные девичьи души в девятом веки ничем не отличались от двадцать первого.

Но одно неприятнейшее открытие заставило меня тут же напрячься. Я не видела никакой повозки. Только осёдланные

кони.

Вот же ж... мать твою.

Получается, путешествовать мы будем верхом? Но я не умею ездить верхом!

В седле я была лишь однажды — когда мы с Владом ездили в село Сукко на Чёрное море, там была лошадиная ферма и конные прогулки в горах. За полчаса езды в седле у меня поясница тогда отвалилась, а бёдра потом болели дня два. И это была контролируемая прогулка по ровной тропе под руководством тренеров.

Я в панике посмотрела на Живану и на своё платье. Как в этом я смогу ехать на лошади? Хорошо, что она дала мне хотя бы тонкие штаны, иначе и представить страшно, как бы я ехала.

— Готовы? — спросил князь, не утруждая себя приветствиями.

Живана поклонилась, а я продолжала с ужасом смотреть на коней, не сразу догадавшись, что мне вообще-то тоже стоило бы склонить голову перед Иданом.

— Твоя Яблонька, княжна, — сказал один из дружинников, подводя ко мне белую лошадь и сразу осёкся на слове “княжна”, скосив взгляд на Идана. Не похоже было, что он его боялся, просто выглядел так, словно сам раздосадован, что сболтнул то, чего не стоило.

Я посмотрела на кобылу, которая замерла в паре метров от меня и, приняв себя, насторожилась. Кажется, живот-

ное распознало во мне самозванку. Я выглядела как Дарьяна, пахла как Дарьяна. Я по сути и была ею, но, видимо, животные чувят не только тело, но и душу.

— Эй, ты чего, — нахмурился дружинник, похлопав Яблоньку по крупу. — Не артачься.

Я замерла, глядя лошади в глаза. Чувствовала, как внутри всё сильнее пульсировал страх. Но в то же время осознала, что выбора у меня нет. Мне придётся ехать верхом. А значит, мне нужно было войти с Яблонькой в контакт, потому что ближайшие два дня, а именно столько нам предстояло быть в пути, как сказала Живана, от неё будет зависеть моя жизнь и здоровье.

Я сделала осторожный шаг к кобыле и протянула к ней ладонь. Та всё ещё смотрела настороженно. Тряхнула мордой и тихо заржала. А потом всё же сделала ко мне шаг и понюхала мою ладонь. Я выдохнула с облегчением и осторожно погладила её морду. Лошадь, кажется, расслабилась. Я тоже. Но ненадолго, потому что теперь мне предстояло взобраться на неё.

— По коням, — скомандовал Идан, и дружинник, что подвёл Яблоньку ко мне, взял её под узду одной рукой, а второй зафиксировал стремя.

— Садись, дево, — кивнул мне на седло.

С вылетающим сердцем я подошла к лошади и вцепилась взмокшими руками за луку седла. Поставив ногу в удерживаемое дружинником стремя, пошатнулась и едва не свали-

лась на землю.

— Что это с тобой, княжна, — тихо шепнул он. — Не выпалась?

— Да при пожаре головой она стукнулась, — рядом с придыханием отозвалась Живана, и я была почти уверена, что этот улыбочивый здоровяк и был тем самым Велемиром.

— Ну ничего, отойдёт, — улыбнулся он открыто, и на его щеках заиграли ямочки. А потом придержал меня за локоть, помогая взобраться.

Оказавшись в седле, я на мгновение задержала дыхание. Я боялась высоты, и мне нужно было привыкнуть. Схватила за поводья и сжала бёдрами бока Яблоньки.

Ох, и как же я смогу выдержать в седле такой долгий путь в таком напряжении?

Велемир придержал коня и для Живаны, и та легко вскочила в седло, а потом и сам оседлал своего рыжего высокого скакуна. Нас с Живаной взяли в кольцо, а князь вывел своего огромного чёрного коня вперёд.

— В путь, — отдал команду Идан и повёл наш небольшой отряд к обгоревшим остаткам ворот княжеского двора.

*навершник — платье без рукавов по типу туники, которое девушки носили поверх нижнего платья, особенно в дороге.

Глава 15.

Шли мы вдоль берега реки, которая называлась Седь. Я не очень-то сильна в географии, но не помню, чтобы она сохранила название до наших дней. Да может и реки самой уже нет, высохла? Хотя, если смотреть на неё, то сложно поверить, что такая широченная река исчезнет.

Берега реки в утреннем тумане казались серыми, над поверхностью стелилась дымка. Когда Живана набросила на меня плащ перед выходом, я подумала, что будет жарко, но сейчас была благодарна её дальновидности.

Шли мы ещё недолго, солнце только-только поднялось, но я уже чувствовала, что мышцы моей спины возмущены, а пальцы, скрюченные на поводьях, саднят. Бёдра тоже потягивало, но я, кажется, научилась сидеть так, чтобы не держать их в постоянном напряжении.

Мерный стук копыт успокаивал, и я даже привыкла к запаху лошадиного пота. Главное было смотреть вперёд и никак не вниз, чтобы не ощутить эту пустоту под желудком от страха высоты.

Остальные ехали, конечно же, абсолютно расслабленно. В том числе Живана. В этом ничего удивительного и не было, ведь они учились этому с детства. Для них, наверное, ездить на лошади было чем-то сродни носить одежду.

Ехали тихо, почти не разговаривая. Идан впереди, мы с

Живаной друг за другом, по бокам от нас двое дружинников, имён которых я пока не знала, а замыкал ход Велемир.

Мне показалось, что поход наш сильно не афишировался для города. Не хотел Идан, чтобы много кто знал, что в дороге он, потому что так и не найден был тот, кто совершил поджог и, самое важное, кто отдал приказ сделать это. Как и предатели, которые оказывали содействие, потому что совершить это одному было невозможно без подельников. Это уже я поняла из негромких разговоров Велемира и Живаны. Идан взял самых верных и повёл отряд окольными путями.

Обдумывая это, я почувствовала тревогу. Путешествовать таким небольшим отрядом было довольно опасно — это я прекрасно понимала. Не нужно было быть жителем девятого века, чтобы осознавать этот факт. Пожар погубил князя, отца Идана, и его главного и самого сильного соратника, если я правильно помнила из тех обрывков сознания Дарьяны, которые мне снились. Молодой князь выжил, но сейчас, с небольшой группой охраны, он, по сути, был лёгкой добычей для своих врагов.

Когда солнце поднялось выше, мы свернули от реки на узкую тропу, по которой пришлось ехать вереницей по одному. Я ехала третьей, за мной Живана и в конце двое мужчин. Мы проехали через поле и подступили к опушке леса. Это, конечно, мне тоже смелости не добавило.

Мы углублялись в лес, который постепенно густел. Примерно через полчаса путь стал труднее. Кусты и деревья ста-

ли гуще и давили со всех сторон. Пахло хвоей и сырой корой.

А ещё я заметила, как Идан стал держать правую руку не на поводьях, а на рукояти меча. То же делали и остальные дружинники. А потом Идан и вовсе знаком руки остановил отряд. К нему, обойдя нас, подъехал Велемир.

— Яровиты здесь ходили недавно, — негромко сказал он. — Разведать?

Идан нахмурился и кивнул, но отправил не Велемира, а другого дружинника.

— Игорь пойдёт, — сказал он, и тот мужчина, с рыжей бородой, что ехал слева от меня, коротко кивнув, спешился и быстро, почти бегом, направился в чащу.

Все остальные замерли на месте. Князь негромко переговаривался с Велемиром и ещё одним дружинником, третий же стоял чуть позади нас с Живаной, которая подвела своего коня ближе ко мне.

— Дарьяна, пить хочешь? — спросила она.

— Да, пожалуй, — я кивнула и не без труда отцепила пальцы от поводьев. Яблонька стояла смирно, пощипывая траву у дерева.

Живана отцепила от своего седла кожаную флягу и протянула мне. Я сделала несколько глотков с наслаждением. Оказывается, я очень хотела пить.

— И вот, держи, — она насыпала мне в ладонь горсть орехов и сушёных ягод. Себе тоже достала и несколько кинула в рот.

Игорь вернулся довольно быстро и сообщил, что дорога безопасна. Сделал несколько глотков воды из своей фляги, перекрепил лук и снова вскочил в седло, а Идан дал команду двигаться дальше.

Спешились мы все на стоянку у ручья на небольшой поляне ещё примерно через час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.